ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ФОРУМ МОЛОДЫХ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 4(258) – 2018

Бумажный саксофон

рассказ

Ирина ИВАСЬКОВА

Кто придумал такое название, хозяин кафе уже не помнил. Но соответствовать приходилось: в углу смастерили невысокую эстраду, и на неё каждый вечер выходил музыкант – немолодой саксофонист по фамилии Бубенцов.

В кафе подавали только пиво и нехитрую закуску – кое-какие салаты, сэндвичи и, конечно, соломки, чипсы и сухари, солоно и звонко хрустевшие на зубах. Глуховатое, словно прикрытое бархатом пение саксофона никому не мешало – кружки мягко стучали о деревянные столы, наполняясь и опустошаясь, ровно гудели разговоры, вспыхивал смех.

Играл музыкант недолго – несколько всем знакомых мотивов, несмелая импровизация – кланялся публике и уходил почти незамеченным. Впрочем, хозяин, желающий владеть заведением оригинальным, с претензией, Бубенцова ценил – без ежевечерних концертов кафе превратилось бы в обычную забегаловку, а тут, с музыкой, – вроде как благородно, интеллигентно, свежо.

Никто из посетителей и не подозревал, что щуплый, лысоватый Бубенцов, припыленный полутьмой и сигаретным дымом, был мечтатель и экспериментатор. Признания критиков он давно не искал, фамилия его мало подходила для ярких афиш, но он видел музыку – во всяком случае, ему так казалось – блеском, радужными искрами, россыпью огней. Красота звучания была для Бубенцова почти невыносима – припадая к мундштуку, он закрывал глаза, волновался телом и рвался душой. К несчастью, играл он неважно – чудесное дрожание чувств терялось где-то между ним и саксофоном, оставляя слушателям лишь пустые, высохшие рёбра мелодий.

Отсутствие в себе исполнительского таланта Бубенцов осознал рано и исправить ничего не пытался - внутренний огонь грел его тихо и ровно, достаточно для спокойной уверенности и довольства собой. Но вот публику саксофонист не жалел – не понимающие волшебства звука равнодушно жующие люди вызывали в нём брезгливость, возникающую у абсолютно здорового, счастливого человека при виде увечности, злобы и грязи.

Для излечения звуковой слепоты слушателей Бубенцов мечтал создать достоверные музыкальные иллюстрации – живые, объемные, сверкающие – не просто пошлые прожекторы, фейерверки или лазеры, а полностью вплетённые в полотно мелодии объёмные движения цвета, сияния или, чем чёрт не шутит, аромата, холода и тепла.

Как подойти к реализации замысла с технической стороны, Бубенцов даже не представлял. В его мыслях царила чистота и элегантность давно исполненной мечты, но в реальности бубенцовский саксофон звучал в полном одиночестве, без феерических сопровождений. Измучившись болезненным несовпадением, Бубенцов решил действовать.

Первая конструкция музыкального иллюстратора оказалась простой: ножной насос-лягушка, скреплённый с длинной прозрачной трубкой. Используя в качестве подручного средства пшеничную муку, экспериментируя с активностью нажатий и диаметром трубки, Бубенцов добился своего – иллюстратор заработал так, как надо. Первая опытная модель прибора предполагала создание скромного, но изящного музыкального рисунка: что-то вроде лёгких серебряных облаков или звёздной пыли. Бубенцов посетил лавочку для юных фокусников, купил внушительный пакет мелкой сверкающей пудры и назначил время музыкального триумфа на ближайшую пятницу.

Публика в тот вечер подобралась приятная – ни шумных, слишком молодых компаний, ни одиноких, подозрительного вида мужчин. Совсем близко к эстраде расположилась на удивление приличная пара: блондинка с уставшим лицом и мужчина в тёмно-синем костюме.

На появившегося в полутьме подмостков музыканта никто не смотрел – Бубенцов аккуратно прикрепил конец трубочки к наполненному блёстками насосу и выпрямился, чувствуя, как вьётся под его одеждой прозрачный проводник между музыкой и чудом. Убедившись, что другой конец трубки свободно выходит из рукава пиджака, он вздохнул и прижал к губам мундштук.

На первых нотах саксофонист задрожал, но затем переборол себя и, как обычно, закрыл глаза. Он играл, помогая себе всем телом, думал о райских облаках и солнечных искрах, сожалел о грубости и пошлом сверкании купленных блёсток, но ровно на второй минуте мелодии, как было и задумано, наступил на упругое резиновое тельце насоса.

Серебряная пудра, посверкивая в слабом свете, вылетела из рукава Бубенцова, легко устремилась к столикам и посыпалась вниз, прямиком в пивные кружки, под возмущённые окрики и смех. Мгновенно осознавшему главную ошибку эксперимента Бубенцову это лёгкое падение показалось бесконечным и безнадёжным, как

тон Шепарда

– Кать, слышала про такую штуку как тон Шепарда? – серебряная пудра крепко прилипла к коже, и тёмно-синий костюм, совсем новый, явно нуждался в химической чистке, но мужчина всё равно улыбался.

– Не слышала и слышать не хочу, – ответила женщина, расстёгивая запачканные серебром замшевые сапоги. – Я одного понять не могу, как нас угораздило в эту дыру забрести!

– А мне название понравилось. И подвал. Я в институте когда учился, в таком часто бывал. А тон Шепарда, Катюш, это чудесная такая иллюзия, бесконечная игрушка для мозга. Сейчас планшет включу, покажу тебе.

– Да ты умойся сначала, – она посмотрела на его лицо и засмеялась. – Слушай, Вить, у тебя даже нос в блёстках!

– А что это такое, тон Шепарда? – ломающийся мальчишечий голос, внезапно раздавшийся из гостиной, заставил их вздрогнуть. Прервав растерянное молчание, женщина легонько подтолкнула мужчину к двери.

– Иди, иди, – зашептала она, – сам с тобой заговорил, иди!

– Я знал, что сегодня будет хороший день, – тоже шёпотом ответил он и вошёл в гостиную, стараясь сохранить вид будничный и простой: ну что такого, в самом деле, обычная семья, один спрашивает, другой отвечает.

– Тон Шепарда, как я уже сказал, удивительная иллюзия, – мужчина и мальчик склонились над экраном планшета, рассматривая изогнутые линии звукового ряда.

– Ты же знаешь, что такое иллюзия? – спросил мужчина.

– Знаю, – сказал мальчик, – иллюзия это когда кажется.

– Правильно. Так вот, когда слушаешь ряд Шепарда, кажется, что звук может понижаться бесконечно. Вот, я включаю.

Комнату наполнило странное, неприятное гудение, похожее на постепенно увеличивающуюся боль. Звук растягивался, становился всё ниже, и слух погружался во что-то вязкое, полугнилое.

Мальчик внимательно смотрел на экран, а потом скривился:

– Выключите, пожалуйста. Зачем оно такое нужно, а?

Мужчина пожал плечами:

– Психолог придумал. Экспериментатор какой-то над человеческим восприятием. Даже не знаю, чего он хотел добиться. Мне тоже не нравится, честно говоря.

В комнате стало тихо.

Оба они почувствовали в тишине, как уходит, растворяется напряжение, до краёв наполнявшее квартиру последние три месяца - с того самого дня, когда мужчина пришёл сюда с чемоданом, а мальчик отказался разговаривать.

Тикали часы. Внизу глухо хлопнула подъездная дверь.

– Мне, знаете, что больше всего не нравится, – неожиданно сказал мальчик, – что эта штука бесконечно вниз падает. Пусть это только кажется. Можно вот так сидеть и слушать, и даже не знать, когда это всё закончится и когда ты наконец-то упадешь.

– Думаешь, так и в жизни бывает, да? – спросил мужчина.

Мальчик кивнул.

– Ну, тут я тебя утешу, – мужчина снова улыбался, – тон Шепарда может не только опускаться, но и подниматься. Звук, конечно, тоже не из приятных, но лучше ведь вверх лететь, а не падать чёрт знает куда, правда?

– Правда. Дядь Вить, у вас краска на носу, – сказал мальчик.

В коридоре беззвучно заплакала женщина, прижав ладони к лицу, мешая слёзы с косметикой и прилипчивым серебром. Эти дурацкие блёстки, так нелепо вылетевшие из рук невзрачного саксофониста, оказались волшебным средством, магической пылью, подарком доброй феи своей бедной, заблудшей, погрязшей в тоске крестнице.

И пусть девочке уже почти тридцать девять, и плещется за спиной горькое море неудачного брака, но она сумела, всё выдержала – и выбралась на сухой, безопасный берег с новым спутником – немного странным, но совершенно необходимым. И всё оказалось так просто – не нужен им был никакой психолог (покажите сыну, как вы его любите), никакие советы опытных, по три раза разведённых подруг (да всыпь ему хорошенько и компьютер отбери), никакие мамины утешения (живи для сына, какая любовь в твоём возрасте). Ничего этого не нужно было, а пригодился только зимний вечер, подвальное кафе и неожиданный саксофон в серебряных блёстках. Мудрёная алхимия времени спасает каждого, и для всех нас в итоге прозвучит

одна и та же песня

в моей голове – одна и та же – злость на других, жалость к себе. Всё было так хорошо, всё было так ровно, всё шло, как было задумано. Вся жизнь была предрешена и заполнена. Я составил правила, определил границы, заранее придумал схемы разговоров и поступков. Мне было легко оттого, что ничего непредвиденного со мной случиться не могло. Ведь, если подумать, всё можно сделать формулой, достаточно лишь продумать её составляющие, расположить их в нужном порядке и со спокойной уверенностью ждать результатов.

Жаль только, что некоторые элементы моей формулы – безличные Икс и Игрек – вдруг оказались не я. А ведь в самых моих сокровенных мечтах я не раз представлял, как было бы хорошо, если бы все люди в мире стали мной. Никакой непредсказуемости, никаких сюрпризов, никаких проблем. Чистота, порядок, покой. Думаете, странные мечты? Ну нет, не стоит лукавить – я уверен, что каждый из вас хотя бы раз в жизни мечтал о мировом господстве. Скажете, нет? А я не поверю.

Одна из самых любимых моих, многократными повторами проверенных схем – дорога от работы до дома – свежевыстроенной многоэтажки в лучшем районе города. Я получал искреннее удовольствие от того, что путь мой представлял собой правильный прямой угол – выходя из офиса, я шел прямо, потом сворачивал направо, снова шёл прямо и заходил в собственный подъезд.

После изгнания из упорядоченного, своими руками выстроенного идеального мира я, вероятно, немного повредился рассудком – и вот уже второй раз, не задумываясь, выходил с

работы и шёл знакомым до трещинки асфальтовым полотном до подъездной двери – двери своего бывшего дома.

Первый раз я очнулся от холода домофонных кнопок. Мною придуманная комбинация отчего-то не сработала, пальцы замёрзли, и я пришёл в себя, вспомнив, что здесь уже не живу.

И вот сегодня – дорога без мыслей, открытый настежь подъезд, мимолётное возмущение – опять старуха с пятого этажа не захлопнула дверь, и внезапное возвращение сознания и чувства себя.

Проверим, где я. Так, знакомый коврик, резиновый, легко моющийся материал, цена сто пятьдесят три рубля. Телескопический глазок – надёжная вещь, куплен с хорошей скидкой. Аккуратная кнопка звонка – самостоятельно мною установленного. Один лишь вопрос – я позвонил или нет?

Отчего-то я не мог сдвинуться с места. А внутри меня что-то, наоборот, двигалось и поднималось – неужели я собираюсь позорно плакать под дверью? Пустите, пустите меня обратно, там всё сделано под меня и для меня, даже стены обрели форму моего тела, мягкая мебель ждёт только моей тяжести, посуда притихла в кухонном шкафу и хочет только моих прикосновений! Это неправильно, несправедливо! Почему я не могу быть там, а стою здесь, и купленный мной коврик выпачкан какой-то серебристой дрянью?

С отвращением я отступаю назад и осматриваю выпачканные блёстками подошвы. За дверью слышны голоса, в ванной льётся вода, играет музыка. Видимо, я всё-таки не успел нажать на кнопку. Или, может быть, они затаились и не хотят открывать, чужие теперь Икс и Игрек – я думал, что они это я, а они, оказывается, мной не стали. Стоп. Внутри моего бывшего мира должны быть только два голоса – голос Икс и голос Игрек – моя вселенная должна ждать своего хозяина, не меняя ничего: ни капли, ни нитки, ни звука. Но я слышу мужской голос! Незнакомый мужской голос!

В голове моей звенит и рушится, я разворачиваюсь и бегу прочь, испуганный, как никогда.

Я возвращаюсь туда, где ночую теперь: моя старая однокомнатная квартира без мебели и занавесок. В прошлой жизни я предполагал, что выгодно продам её и куплю автомобиль. А теперь я лежу на полу и слушаю эхо собственного сердца, отражающееся от голых стен. Единственное, что проникает в мою пустоту – тихая и фальшивая колыбельная за стеной. Там, в соседней квартире, живёт толстая молодая женщина с неприятным лицом и тусклым ребенком. Они возятся и издают звуки – в своей тёмной, до омерзения незнакомой жизни, где-то

под ракитовым кустом

живёт волк. Капает дождь, волк мокрый, но всё равно сидит, не уходит. Волк ждёт вечера, когда Ксюша пойдёт спать, повернётся неловко во сне, скомкает одеяло и откроет под волчьи зубы беззащитный бок.

Ксюша знает точно, что волк кусается не до крови, а так, осторожно, но крепко, не вырвешься. Схватит и потащит в лес, под ракитовый куст с мягкими голыми прутиками – в волчьем лесу не бывает весны, только поздняя осень, серенькая, как звериная шкура.

Зачем волку нужен пятилетний ребенок, непонятно. Может быть, ему холодно, может быть, хочется поговорить. О том, что волки иногда едят детей, Ксюша старается не думать – это уже не колыбельная получится, а очень страшная сказка.

Песенку про волка и ракитовый кусток Ксюша не любит, но отчего-то не может сказать об этом маме. Возможно, потому, что мама знает только одну колыбельную: вот эту, осеннюю, мокрую, волчью. А если Ксюша откажется её слушать, и мама совсем перестанет петь на ночь? Об этом тоже думать не хочется. Хочется спать и не бояться, укутаться хорошенько – особенно по бокам – и спать, спать.

Мама замолкает, целует Ксюшу в нос, уходит на кухню и заводит там специальную вечернюю музыку: стук-постук кастрюльками, ложками и чашками, журчание воды в раковине, скрип деревянных шкафчиков, а потом тишина и вздох. Мама думает, что Ксюша уже спит, и вздыхает почти в голос:

– Охохо-хохооо.

Это значит, что посуда вымыта, день закончен и Ксюше уже можно закрыть глаза.

Волк, должно быть, лежит сейчас под мокрой ракитой, и лапы у него подрагивают. Он устал, ведь звери в лесу должны много бегать и скакать. А вот люди бегают редко, особенно взрослые. И Ксюша вспоминает странного дядьку, недавно поселившегося в соседней квартире. Он всегда ходил медленно и ровно, как положено взрослым, а сегодня вдруг промчался мимо по лестнице, прыгая через три ступеньки, и чуть не сбил Ксюшу с ног. Может, этот дядька на самом деле волк? Ксюша ёжится под одеялом, со страхом глядит в темноту и даже подумывает, не позвать ли маму.

Но потом решает, что не нужно, и закрывает глаза.

В крохотном промежутке между сном и явью, полусонном пространстве, открывающемся лишь на мгновение – для осознания и забытия, Ксюша плывёт и движется, а потом становится огромной, размером с комнату, улицу, город. Целую секунду девочка вглядывается в собственный мир – сахарные булочки, рыжий котёнок, стопка ярких книжек, зелёный кафель в ванной, толстые голуби на утоптанном снегу, мокрые варежки, чужие лица, бесконечно высокое небо и жёлтая лампочка у подъезда.

Секунда завершается, и Ксюша спит. Она видит во сне бегущего по лестнице соседа – как там говорится в сказках: зайчик побежал, только пятки засверкали. Но дядька совсем не зайчик – из-под его короткого пальто торчит ободранный волчий хвост, а вместо начищенных ботинок по ступенькам топочут серые волчьи лапы. Они и вправду сверкают на бегу – левая лапа волка почему-то выпачкана мелкими серебряными блёстками. Лестница вдруг вытягивается, выпрямляется, уходит вверх, теряет перила и качается из стороны в сторону, но волк не падает, а всё бежит и бежит, и самый ужас в том, что он остаётся на месте.

Ксюша всхлипывает во сне, машет руками, переворачивается и сбрасывает спасительную одеяльную защиту. Её бок в жёлтой пижаме – законная звериная добыча – открыт. За окном темно, улицы пусты, все колыбельные спеты, а утро ещё так далеко – наступает время волчьего бега – у самой кроватки, кругами, бесшумно.

Но девочка уходит из страшного сна, прячется в другую сказку, где нет волков, а есть весёлая красная машина и толстенькие щенки.

Мама тихонько укрывает Ксюшу, и теперь спящая в полной безопасности, далеко-далеко от волка с серебряным следом и мокрого ракитового куста – пристанища сумерек и осенней печали.

Жаль, что мама не видит её снов и не знает её страхов. Огромная вселенная детства дышит рядом, вращаясь и расцветая, безо всякого ведома взрослых. Мамины заботы просты – чистые уши и сытость, и летит мимо обычный вечер обычного дня, который не вспомнят ни завтра, ни через год. А потом, как и тысячи лет до этого, приходит

ночь

не лучшее время для собачьих прогулок. Этот подъезд пёс облюбовал давно - здесь тепло, темно, и двери не закрыты даже в холода. Устроившись у ребристого бока батареи, пёс сворачивается клубком, но вдруг поднимает острый нос и нюхает пыльный воздух.

Кроме привычного: горелого масла, влажности ванных комнат, кошачьей наглости – пёс чувствует что-то тревожное, манящее. Осмелев от удивления, он выходит из-под лестницы и осторожно поднимается за новым запахом на второй этаж.

Три квартиры. От одной пахнет ребёнком – маленькой девочкой, а ещё сладким хлебом, тишиной и сном. Вторая квартира пуста – уже давно, а вот из третьей льётся человеческая злость и тоска – такой аромат псу знаком не понаслышке. У двери пёс видит странные блестящие отметины, словно кто-то выпачкал ботинки чем-то непонятным и вытер их потом о крашеный пол.

Пёс аккуратно обнюхивает находку, потом спускается вниз, медлит мгновение, оглядываясь на тёплую темноту своего убежища, и выходит на улицу.

Невидимые человеческому взгляду истории, путаницы решений, дорог, потерь и обретений расстилаются перед собачьим обонянием яркими цветными узорами. Но пса интересует лишь одна нитка этого полотна, и он бежит, не теряя пути, мимо мусорных баков, гаражей, вдоль освещённой зябнущими фонарями улицы.

Серебряные следы ведут к новому, недавно выстроенному дому: от таких пёс держится подальше – слишком просторно и светло. Здесь не найдёшь мисок с кашей и супом, а вот схлопотать по тощему боку легко. Пёс давно понял, что красиво одетые, вычищенные до волоска люди защищают свои границы куда активнее тех, кто ходит в старых ботинках и ужинает минтаем.

Подъезд опасного дома плотно закрыт, а нужная нить запаха чётко входит внутрь. Но одновременно и выходит из него, становясь всё яснее, и ведёт направо, в лабиринты дворов.

Пёс бежит дальше, и след уже так ярок, что нет никаких сомнений в верности дороги. Между двумя жилыми домами, сквозь разинутую пасть подворотни, мимо спящей детской площадки, сквера и закрытого на ночь магазина.

Рядом с высоким, вычищенным от снега магазинным крыльцом прячется лестница, ведущая в подвал. Серебро тянется именно туда, но пёс не торопится – кроме серебряного запаха, здесь слишком много разных, неизвестных следов. Из подвала тянет пивом, перчёными сухарями и кислым соусом.

Пёс устал и замёрз, но любопытство заставляет его сделать ещё несколько шагов. Крутые ступени ведут вниз, к обитой деревом двери, а рядом с ней стоит человек, перепачканный серебряной пылью с ног до головы.

Псу страшно и трепетно – он запрокидывает морду и коротко воет на равнодушную пустую улицу.

– Ну что, что? – отзывается человек и тоже поднимает голову. – Ты откуда такой? Чего кричишь? Иди-ка сюда, у меня тут есть кой-чего, – и шелестит пакетом.

Забыв обычное недоверие, пёс спускается по ступенькам и охотно принимает из незнакомых рук скользкие куски колбасы.

– Вот и хорошо, – человек смотрит на пса и улыбается, – ты бродяга, да? Со мной пойдёшь? У меня тепло. У меня музыка. Ты саксофон любишь? Как я сегодня сыграл, а! Блестяще!

Он смеётся, встаёт, пошатываясь, вешает на плечо большой футляр, собирает остатки распотрошённых бутербродов в пакет и поднимается по лестнице. Пёс идёт рядом, наблюдая, как сверкают серебряные человеческие следы в синем свете вывески, бросающей на снег расплывающиеся проекции двух слов: БУМАЖНЫЙ САКСОФОН.

Яркий цветной узор

О рассказе Ирины Иваськовой "Бумажный саксофон"

Словно ручей перетекает сюжет рассказа Ирины Иваськовой "Бумажный саксафон" от одной главки к другой. Их всего несколько, и построены они таким образом, что последние слова одного эпизода служат заголовком для следующего.

Тот самый случай, когда современный композиционный прием не забирает на себя всё внимание, но помогает полнее и ярче раскрыть идею произведения.

Что такое чудо в нашем мире? Кому под силу его сотворить, что для этого нужно? Как жить, если любовь к делу есть, а вот таланта не хватает?

А как быть с неудавшимся добрым делом? Хотелось как лучше, а получилось… ну, вы поняли. На эти и многие другие вопросы вы найдете ответ в небольшом рассказе Ирины.

Главный герой, саксофонист Бубенцов, "мечтатель и экспериментатор, припыленный полутьмой и сигаретным дымом", типологически продолжает линию "маленького" человека. Как и Башмачкин, например, он не обладает выдающимися способностями, однако искренне увлечен своим делом – игрой на саксофоне. На этом сходство, пожалуй, и заканчивается. Главное его отличие от "маленького" человека - это желание не замыкаться в собственном мире и довольствии, но как-то передать свое радостное переживание и окружающим. Саксофонисту хочется донести красоту мелодии и волшебство звука до жующего обывателя. Для этого он придумывает один фокус-эксперимент, который заканчивается провалом. Если вдуматься, в жизни так обычно и бывает. Получается – стремление к добру бессмысленно?! Ирина Иваськова убедительно показывает обратное.

Не первый видимый результат важен, но его дальнее действие, которое расходится волнами, преображая судьбы, казалось бы, далеких людей. А вот тот, кто делает добро и помогает другим людям, напротив, может получить в награду одни трудности и скорби. Мудро сказал об этом преподобный Исаак Сирин: "Не тот любитель добродетели, кто с борением делает добро, но тот, кто с радостью приемлет последующие за тем бедствия".

"Бумажный саксофон" – рассказ и о том, как можно изменить мир. Здесь вы найдете лучший рецепт.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на язык произведения. Легкий, прозрачный, наполненный музыкой, цветом, ароматами. Образная палитра меняется в изображении каждого из героев, раскрывая в их характере всё новые грани.

А среди действующих лиц – не только взрослые, но и дети, и даже пёс, спешащий по улице, "освещённой зябнущими фонарями". "Невидимые человеческому взгляду истории, путаницы решений, дорог, потерь и обретений расстилаются перед собачьим обонянием яркими цветными узорами".

Такой узор представляет и сама ткань рассказа. Осталось только его увидеть.

Анастасия ЧЕРНОВА

Мать Елена

Михаил ТАРКОВСКИЙ

О прозе Елены Тулушевой

Не бывает настоящего писателя с абстрактным отношением к тому, о чём пишешь, мол, люблю вообще жизнь, люблю историю, культуру и всё, что с ними связано. Люби. Только ничего не выйдет, если нет своего кровного куска этой жизни. И даже если такой кусок есть – ничего не получится без личного, страстного и пристрастного к нему отношения. Без ощущения, которое сквозит в каждой строчке и которое ни с чем не спутаешь. Это ощущение можно назвать одним коротким словом: "моё". Моё, потому что у меня уже всё слилось воедино: и жизненное дело, и то как сверкнуло оно в слове, и то, как невыносимо трудно было этого добиться. Потому что верю лишь мурашам, бегущим по хребту. А бегут они, когда думаешь о "своём". Великое счастье найти такое "своё".

У Елены Тулушевой такое "своё" – это работа в центре помощи трудным подросткам. Такое "своё", которое не каждому и по плечу. Действительно, натворит делов эта курица Лидка из рассказа "Первенец". Забрюхатела, едва понимая, что делает, причём сама наркоманка, а отец будущего ребёнка, если его отцом можно назвать, с таким набором, что волоса? дыбом встают. Бесполезное дело.

А ведь подумать: сколь людей хотят ребёночка, лечатся, мучаются, стараются, а не получается, а тут этой бичихе – пожалуйста. Несправедливость. Или урок? Почему она такая? Кто виноват: среда или характер? Гадать сколько угодно можно, почему живот мудрее мамаши… А ребёночек-то шевелится, интересно, он ножкой сейчас ударил, или ручкой? А она хоть и бичиха, а ей тоже ласковое слово нужно, не безнадёжная она, и может всё выправится? Может непривычное для Лиды ласковое слово, сказанное врачом, сделает дело? "Всё у нас получится". "У нас". Надо же. Врачиха сказала "мы". Ничего себе.

Сколько таких, как Лидка! И что с ними делать? Как я могу помочь? Или не могу? Вот! Главное произошло: уже заработали у читателя голова и сердце, потянулась ниточка размышлений. Почему врачиха вдруг по-человечьи обратилась к Лидке? Почему автор решил оправдать её сочувствие тем, что она тоже в беде, что у неё сын наркоман? Чтобы показать, что человек нынче не способен на добро без личной привязки? Что не поможет просто так, по человеческому долгу, по Божьей заповеди? Или это сюжетный ход. Для убедительности. Да. Всколыхнула… Есть над чем подумать.

Или вот этот Олег из рассказа "Близнец". Пивной алкоголик... Да много их… таких. И названия-то всё у Елены Тулушевой – "Первенец", "Близнец" – будто подчёркивают изначальный созидательный замысел, преступно исковерканный человеком. Много их таких по Руси, искорёженных, коверкающих и свою жизнь, и чужую, изломанных и нуждающихся не в нравоучении, а в тёплом слове, в материнской ласке.

Читатель, дотошная порода, спрашивает, что же Тулушева так пишет-то скупо? Где развёрнутые предложения, образные сравнения? Вообще классический литературный язык? Могла бы талантливая писательница продемонстрировать побольше языковых возможностей. Картин каких-то… Как-то "задержаться на кадре".

Задержаться на кадре… Эх ты. А ещё читатель! Ничего-то ты не понял. И забыл, поди, что есть вещи, которые в чёрно-белом изображении намного красноречивей, чем в цветном.

Задержаться на кадре… А ты детей растил? Не спал ночей? Да как до тебя донести, что не может Елена "задержаться". Потому что так пинается ребёночек в Лидкином животе, что кажется тебя саму по сердцу этой ножкой колотят. И потому, что Дашин дед может не дожить, пока ей разрешат в Россию приехать *(рассказ "Домой")*.

К своим героям Елена Тулушева относится, как мать к ребятишкам в большой семье. Заботливо-сдержанно. В таких семьях не принято афишировать чувства, "рвать страсть в клочья", при этом поглядывая в зеркало: эффектно ли получается.

Авторскому настрою соответствует и художественная манера Елены. Сдержанная, работающая простыми, но действенными средствами – динамично построенными диалогами, точно отобранными деталями. Буйная метафорика, изысканность описаний были бы неуместны в том суровом, скупом на выражение эмоций, а тем более на многословные описания их, мире, который из рассказа в рассказ воссоздаёт Елена Тулушева.

Оправдано и органичное использование языка городских окраин: нелепо пытаться заставить скинхеда Славу из одноимённого рассказа или ту же Лидку говорить изысканным языком литературной классики.

Не до изысков, когда надо успеть помочь, потом поздно будет.

А вы давайте пишите пейзажи природные и культурные. На Руси всегда кто-то пейзажами любуется, а кто-то непутёвым детям сопли вытирает. И жалеет. И надежду даёт.